

на правах рукописи

Коломацкий Дмитрий Игоревич

**ДИСТРИБУЦИЯ РУССКИХ ПАССИВНЫХ ФОРМ:
КОРПУСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ**

Специальность 10.02.21 —

прикладная и математическая лингвистика

Автореферат

диссертации на соискание учёной степени

кандидата филологических наук

Москва, 2009

Работа выполнена на кафедре теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета ФГОУ ВПО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова».

Научный руководитель: кандидат филологических наук
доцент
Калинина Елена Юрьевна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук
Рябцева Надежда Константиновна
Институт языкознания РАН

кандидат филологических наук
доцент
Толдова Светлана Юрьевна
Российский государственный
гуманитарный университет

Ведущая организация: Институт проблем информатики
Российской академии наук

Защита диссертации состоится «___» _____ 2009 года на заседании диссертационного совета Д.501.001.24 при ФГУ ВПО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова» по адресу: 119991 ГСП-1, г. Москва, Ленинские горы, МГУ, 1-й учебный корпус, филологический факультет.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке 1-го учебного корпуса ФГОУ ВПО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова».

Автореферат разослан «___» _____ 2009 года.

Учёный секретарь
диссертационного совета

А. М. Белов

Основные положения

Настоящее исследование посвящено одной из наиболее интересных проблем русской глагольной морфологии — проблеме выбора глагольной формы при образовании пассивной конструкции. **Объектом** исследования являются, таким образом, русские пассивные формы, а **предметом** исследования — свойства пассивных конструкций, содержащих пассивные формы различных типов, и параметры их распределения.

Как известно, в русском языке для обозначения страдательного залога используется три показателя: возвратные глаголы (для удобства изложения *возвратными* называются любые глаголы с постфиксом *-ся*, независимо от их значения), причастия на *-м-* и причастия на *-н-/-т-*¹. **Целью** исследования является установить, от чего зависит выбор средства обозначения страдательного залога в каждом конкретном предложении. Для достижения этой цели необходимо решить следующие **задачи**:

- ♦ сформулировать теоретические установки и выбрать определение пассива;
- ♦ создать базу данных русских предложений с возвратными глаголами и страдательными причастиями на основе корпусов русских текстов;
- ♦ в выборке предложений с возвратными глаголами с помощью выбранного определения пассива выделить массив пассивных примеров;
- ♦ обработать созданную выборку, охарактеризовав каждое предложение по ряду параметров, относящихся к различным уровням языка;
- ♦ проанализировать полученные данные и выделить параметр или параметры дистрибуции пассивных форм.

Древнерусская залоговая система была достаточно прозрачна: имелось только два показателя пассива — причастия на *-м-* и причастия на *-н-/-т-*, между которыми имелось чёткое распределение по виду². Причастия обоих типов употреблялись как в атрибутивных, так и в предикативных контекстах (в современной русистике различение двух типов контекстов рассматривают как противопоставление, соответственно, полных и кратких причастий). Стройная картина была нарушена, когда в залоговой системе появились возвратные глаголы, чей показатель — постфикс *-ся* — явился результатом грамматикализации рефлексивного местоимения. Грамматикализованное рефлексивное местоимение часто становится маркером пассива³, при этом для каждого языка этот, финитный, пассив, занимает свою нишу. Процесс внедрения нового

¹ Относительно распределения показателей *-н-* и *-т-* ясно, что имеет место дополнительная дистрибуция (крайне редко можно встретить разговорный вариант с другим показателем, например, причастие *куплето* от глагола *купить* у некоторых носителей), и основание этой дистрибуции лежит в фонетических свойствах (так, за исключением глаголов *дать*, *звать*, *печь*, *рвать* и *(с)жечь* все односложные основы образуют причастие на *-т-*) или просто сложилось исторически. Списки глаголов корпусной выборки, образующих причастия с показателями *-н-* и *-т-*, можно найти в приложении к диссертации.

² См. Стрельцова М. И., 1978. О связи видо-временных и залоговых значений в причастиях на *-м-*, *-н-*, *-т-* в древнерусском языке. В сб. *Проблемы теории грамматического залога* (отв. ред. А. А. Холодович). С. 213–220. Ленинград: Наука.

³ См. Haspelmath, Martin, 1990. The grammaticization of passive morphology // *Studies in Language*. Vol. 14. №1. Pp. 25–71. Amsterdam — Philadelphia: John Benjamins B. V. — John Benjamins North America.

маркера обычно сопровождается изменением существующей дистрибуции, хотя в общем случае это необязательно: новое средство образования пассива может появиться для обозначения каких-либо ситуаций, которые раньше никогда не описывались с помощью пассива. В русском же языке появление нового пассивизатора, несомненно, связано с изменением дистрибуции: введение финитного пассива сопровождается снижением употребительности презентных причастий на *-м-* в предикативных контекстах, хотя сложно сказать, стал ли рост количества употреблений финитного пассива причиной или, наоборот, следствием этого факта. По М. И. Стрельцовой, внедрение возвратных глаголов стало именно следствием низкой употребительности причастий на *-м-*: в частности, причастия на *-м-* не выражали достаточно широкого диапазона видовых значений¹.

Итак, появление нового маркера чаще всего изменяет существующую дистрибуцию. Проблема заключается в том, что это изменение и перераспределение областей употребления для каждого маркера в сформировавшемся наборе происходит постепенно, этот процесс может даже останавливаться на долгое время². Это затрудняет установление параметра дистрибуции. Возможно, именно по этой причине на данный момент почти нет исследований, посвящённых исключительно дистрибуции русских пассивных форм. Обычно исследования посвящены либо возвратным глаголам (в основном это классификации значений возвратных глаголов), либо причастиям (прежде всего проблеме противопоставления так называемых акциональных и статальных причастий, то есть причастий, обозначающих, соответственно, действие и состояние). Оба эти вопроса затронуты в настоящем исследовании, поскольку они непосредственно влияют на дистрибуцию пассивных форм. И всё же непосредственно проблема дистрибуции ставится весьма редко. Итак, **новизна** предлагаемого исследования заключается в том, что оно посвящено непосредственно дистрибуции пассивных форм. В работе используется обширный корпусный материал и применяется особый метод, суть которого состоит в изучении статистических отклонений от расчётных и средних частот.

В то же время необходимо отметить, что рассматриваемая проблема в лингвистической литературе всё же поднималась. Так, примечательна в этой связи работа К. Аиймера³, в которой последовательно отстаивается точка зрения, присутствующая (имплицитно или эксплицитно) во многих отечественных и зарубежных работах о русском пассиве. В рамках этой концепции противопоставляются возвратные глаголы и причастия на *-н/-т-*, между которыми, как утверждается, присутствует распределение по виду (причём не по виду самой пассивной формы, а по виду образующего глагола, то есть от глаголов несовершенного вида пассив образуется с помощью воз-

¹ См. Стрельцова М. И. Указ. соч. Стр. 154–159.

² О процессе грамматикализации, его причинах и стадиях см. Dahl, Östen, 1998. *Grammaticalization and the life-cycles of constructions*. Keynote lecture at the 17th Scandinavian Conference of Linguistics, August 20-22, 1998 Funen, Denmark. *To be published in a volume in the series RASK Supplement Volumes*.

³ Aijmer, Kristofer, 2002. Constraints on Passivisation: a Comparison of Voice in the Russian and Swedish Verb. In: *Komparativa studier i språk och litteratur. Gusli working papers 10. Institutionen för slaviska språk*. Pp. 11–46. Göteborg: Göteborgs universitet.

вратных глаголов, а от глаголов совершенного вида — с помощью причастий на *-н-/-т-*). Как показано в настоящем исследовании, такое распределение не носит абсолютного характера, и количество исключений достаточно велико. Впрочем, более важным представляется тот факт, что категория вида оказывается не единственным параметром, по которому прослеживается распределение. Кроме того, в существующих исследованиях из рассмотрения обычно выводятся причастия на *-м-*, что объясняется, по-видимому, отсутствием у причастий этого типа универсальности по отношению к возможным контекстам (на настоящей стадии развития русского языка причастия на *-м-* практически не употребляются в составе именного сказуемого).

Из сказанного следует, что при всей **актуальности** рассматриваемой проблемы абсолютно адекватного и полного её решения пока предложено не было. В данной ситуации наиболее разумным представлялось проверить все возможные параметры на разных уровнях, чтобы установить, какие именно параметры влияют на выбор типа пассивной конструкции в каждом конкретном случае. Оптимальным **методом** решения данной задачи является статистическое корпусное исследование на достаточно обширном материале.

Для этой цели автором была создана собственная компьютерная база данных¹ русских пассивных форм и лексем, сформированная на базе двух корпусов: Уппсальского корпуса² и Национального корпуса русского языка³. Всего в выборке содержится **5961** предложение. Состав выборки следующий:

- ♦ предложения с возвратными глаголами (простой поиск по маске ‘*ся’/‘*сь’ с ручной фильтрацией) — 3154 предложения;
- ♦ предложения с пассивными причастиями (поиск по корпусам с морфологической разметкой и снятой омонимией) — 2807 предложений, из которых 993 с причастиями на *-м-*, 1814 — с причастиями на *-н-/-т-*.

На основе всех трёх частей выборки была сформирована таблица глаголов, в которую вошли все глаголы базы данных, образующие пассив (например, для вхождения причастия *построен* был создан вход *построить*) — то есть все глаголы, за исключением непроезводимых возвратных глаголов (*казаться, смеяться*). В таблице глаголов содержится **1611** лексем. Затем эти лексем были сгруппированы по глагольным основам (так, глагол *строить* и глагол *построить* были объединены в один вход *строить* главной таблицы глагольных основ), и, таким образом, была сформирована таблица глагольных основ (**1421** запись).

Особенностью статистического исследования стало применение так называемого **критерия хи-квадрат** (χ^2). Когда изучаются не просто доли значений одного и того же признака (например, доли возвратных глаголов совершенного и несовершенного вида), а сочетание нескольких параметров (например, свойства подлежащего и тип пассивной конструкции), главный вопрос, на который нам нужно ответить, — есть ли

¹ Для хранения и обработки данных использовалась программа Microsoft Access.

² См. проект университета г. Тюбинген «Тюбингенские корпуса русских текстов», главная страница поиска находится по следующему адресу в сети Интернет: <http://www.sfb441.uni-tuebingen.de/b1/rus/korpora.html>.

³ Адрес проекта в сети Интернет: <http://corpora.yandex.ru>.

связь между изучаемыми признаками, или же распределение их случайно. Существует математический метод, с помощью которого можно установить вероятность случайности распределения; в нашем исследовании мы нередко будем прибегать к этому методу для проверки гипотез. Безусловно, если математическая вероятность случайности будет мала, это ещё не будет означать, что явление представляет лингвистический интерес; однако если вероятность будет велика, то отсутствие лингвистической значимости гарантировано.

Расчёт вероятности случайного распределения происходит в два этапа. На первом этапе для каждой наблюдаемой частоты составляется расчётная частота по следующей формуле:

$$E = \frac{S_r \cdot S_c}{S_t},$$

где S_r — сумма значений в строке, S_c — сумма значений в столбце, а S_t — сумма значений всей таблицы.

Получив расчётные (ожидаемые) частоты¹, мы задаёмся вопросом: насколько сильно расчётные частоты отличаются от наблюдаемых? Чем сильнее это отличие, тем меньше вероятность того, что распределение случайно. Значение критерия хи-квадрат вычисляется по следующей формуле:

$$\chi^2 = \sum_{i=1}^r \sum_{j=1}^c \frac{(O_{ij} - E_{ij})^2}{E_{ij}},$$

где r обозначает строки, c — столбцы; O — наблюдаемая частота, E — ожидаемая.

После этого значение критерия сравнивается с критическим значением для определённой степени свободы (которая зависит от числа столбцов и строк в таблице), на основании чего и делается заключение о случайности распределения.

На данный момент существует возможность вычислять значение критерия хи-квадрат автоматически, преобразуя его значение в вероятность случайности распределения (в частности, эта возможность реализована в Microsoft Excel). Именно эту вероятность, рассчитанную с помощью данного критерия, можно видеть в ряде разделов диссертации.

Стоит отдельно отметить, что перед началом проведения статистического исследования у автора отсутствовала сформулированная теория распределения русских пассивных форм. Таким образом, удалось избежать проблемы, характерной для многих статистических исследований, когда результаты и даже присвоение значений параметров входам базы данных невольно подстраиваются под существующую концепцию. В процессе исследования собиралась статистика по самым разным параметрам, соответствующим различным языковым уровням.

Именно изучение отклонений от средних или расчётных частот, в том числе с применением статистического критерия хи-квадрат, является важной **методологической особенностью**, позволившей сформулировать теорию распределения русских

¹ См. расчётные частоты в таблице 2 на стр. 17 настоящего автореферата.

пассивных форм. Дело в том, что в естественном языке не так часто можно встретить дополнительную дистрибуцию по какому-либо параметру; языковые правила очень гибки и допускают множество исключений. В области русского страдательного залога дело обстоит так же: показатели пассива во многих контекстах полностью взаимозаменяемы, а возможность образовать пассив и с помощью возвратного глагола, и с помощью страдательного причастия совершенно нормальна. Поэтому дистрибуция может выражаться только в неких тенденциях, одна из которых (склонность глаголов несовершенного вида образовывать пассив с помощью возвратного глагола и глаголов совершенного вида — с помощью страдательных причастий на *-н-/-т-*) и сформулирована в существующей литературе, посвящённой описываемой проблеме. В таких условиях метод изучения отклонений от средних или расчётных частот представляется наиболее эффективным. В работе статистические данные представлены в виде наглядных диаграмм, позволяющих сразу распознать эти отклонения; реже (при небольшом количестве значений признаков) применяются таблицы, снабжённые значением вероятности, вычисленной с помощью критерия хи-квадрат. Как уже было отмечено, данный критерий полезен скорее тем, что он помогает отсеять заведомо незначимые статистики. При наличии же большого числа возможных значений признака использование этого критерия на практике может терять смысл, поскольку малейшие отклонения заставляют математическую вероятность случайного распределения опускаться до предельно низких значений, в то время как визуальное значение очень близко к расчётным. Такой эффект наблюдается и при небольшом количестве значений, когда отклонения от расчётных величин очень невелики, но наблюдаются для всех значений.

Итак, изначально исследовались все возможные признаки, которые могли оказаться параметрами дистрибуции русских пассивных форм. Это семантический класс глагола, вид и акциональность (характеристика так называемого «способа действия», подробнее об акциональности см. ниже) глагольной словоформы, а также свойства актантов конструкции. Как мы видим, эти признаки охватывают несколько языковых уровней и позволяют искать основание дистрибуции как в свойствах глагольной лексемы, так и в свойствах конкретной словоформы и даже конкретной клаузы, содержащей пассивную форму. Каждой группе признаков в работе посвящена отдельная глава.

Основные теоретически значимые результаты исследования:

- ♦ характерные отклонения от расчётных частот в целом соответствуют теории семантической переходности, сформулированной в 1980 году Полом Хоппером и Сандрой Томпсон¹;
- ♦ распределение пассивных форм по виду существует, но не в виде дополнительной дистрибуции: встречаются пассивные причастия на *-н-/-т-*, принадлежащие несовершенному виду, и пассивные возвратные глаголы совершенного вида;

¹ Hopper, Paul J. and Sandra A. Thompson, 1980. Transitivity in grammar and discourse // *Language*. Vol. 56. №2. Pp. 251–299. Baltimore: Waverly Press (The Linguistic Society of America).

- ♦ актанты пассивной конструкции стремятся иметь схожие свойства (что особенно заметно при изучении денотативных статусов);
- ♦ агентивное дополнение необязательно должно представлять собой именную группу в форме творительного падежа; подобные соображения также представлены в лингвистической литературе.

Практически значимые результаты исследования:

- ♦ подтверждение действенности метода, заключающегося в исследовании отклонения от расчётных и средних частот, при изучении корпусного материала; данный метод может применяться для решения других задач подобного рода;
- ♦ возможность сравнения полученных данных с данными других языков благодаря использованию формализованного определения, основанного на типологических исследованиях;
- ♦ возможность применять полученные результаты в преподавании русского языка как иностранного;
- ♦ выявление особенностей работы Национального корпуса русского языка в процессе сбора языковых данных.

Апробация работы: основные положения диссертации были представлены и обсуждены в ходе докладов на Ломоносовских чтениях в МГУ им. Ломоносова (апрель 2004 г.), научной конференции молодых учёных в университете г. Тарту (апрель 2006 г.), в Институте проблем информатики РАН (март 2009 г.), а также на Кафедре теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ.

Структура диссертации

Диссертация состоит из **введения**, **теоретической части** (глава 1), **описания корпусного исследования** (главы 2–6) и **выводов**.

Во **введении** формулируется задача работы и основной круг проблем.

Первая глава содержит основные теоретические понятия и предпосылки, используемые в работе. В начале главы формулируется понятие **диатезы**, которое необходимо для перехода к понятию залога. По В. С. Храковскому¹, диатезой называется соответствие между совокупностью обозначений элементов смысловой структуры, свойственной лексеме данной глагольной словоформы, и совокупностью элементов синтаксической структуры, входящих в окружение данной глагольной словоформы. Более краткое определение диатезы предложил И. А. Мельчук: «Диатезой (лексемы L) называется соответствие между семантическими и синтаксическими актантами лексемы L»².

¹ Храковский В. С., 1991. Пассивные конструкции. В сб. *Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость*. Санкт-Петербург: Наука. Стр. 142.

² См. Мельчук И. А., 1997–2000. *Курс общей морфологии (в 4-х тт.)*. Москва–Вена. Т. II. Стр. 163.

Существуют и другие определения диатезы, но в каждом из них постулируется наличие двух уровней (которые можно назвать семантическим и синтаксическим¹), между которыми диатеза и устанавливает соответствие. На семантическом уровне установление состава участников диатезы сводится к перечислению обязательных семантических валентностей глагола. На синтаксическом же уровне возникают такие проблемы, как расщепление валентностей (случаи типа *Он ударил человека по лицу*, а также случаи, когда двум семантическим валентностям соответствует одна синтаксическая (*Они дерутся*)) и проблема невыраженных синтаксических актанта. При этом невыраженным может оказаться не только сирконстант (участник, не соответствующий семантической валентности глагола), но и актанта, реализующий семантическую валентность глагола. Поскольку в этом случае невозможно говорить об удалении участника, что нарушило бы устанавливаемое диатезой взаимнооднозначное соответствие между семантическим и синтаксическим уровнями, единственным решением представляется постулировать синтаксический нуль².

Переход от понятия диатезы к понятию **залога** достаточно прост: залогом называется грамматически маркированная в глаголе диатеза³. В русском языке залог маркируется синтетическим знаком (постфикс *-ся*) и аналитическим знаком (причастие со связкой). Характер залоговой оппозиции в русском языке является предметом дискуссии среди исследователей. Часть лингвистов⁴ говорят о так называемой привативной залоговой оппозиции (т. е. о делении на актив и пассив, а точнее говоря, на пассив и не-пассив; после разделения всех значений на пассивные и непассивные можно продолжать дальнейшее выделение значений в рамках этих двух классов), другие исследователи постулируют эквиполентную оппозицию (т. е. оппозицию нескольких равноправных значений)⁵. В данной ситуации представляется наиболее разумным принять идею континуума, предложенную М. Сибатани⁶. На полюсах этого континуума располагаются активное и пассивное значения, а между ними — остальные, неполярные, значения (такие, как реципрок, медий и пр.). Таким образом, даже если мы не говорим явно о привативности, актив и пассив остаются полярными значениями. В зависимости же от целей конкретного исследования мы можем либо сохранить этот континуум таким, какой он есть, либо условно разделить его без остатка на активную и пассивную части.

После того, как сформулированы понятия диатезы и залога, а также определён характер залоговой оппозиции, становится возможным переход к собственно **опреде-**

¹ При этом этот «синтаксический» уровень не является эквивалентом поверхностно-синтаксического уровня. Синтаксический анализ проводится, по крайней мере, на такую глубину, чтобы восстановить составляющие, удалённые в результате эллипсиса.

² См. Мельчук И. А., 1974. О синтаксическом нуле. В сб. *Типология пассивных конструкций. Диатезы и залогов*. С. 343–361. Ленинград: Наука.

³ См. Мельчук И. А., 1997–2000. *Курс общей морфологии (в 4-х тт.)*. Москва–Вена. Т. II. Стр. 164.

⁴ См., напр., Бондарко А. В., 1991. Активность и пассивность. В сб. *Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость*. Санкт-Петербург: Наука.

⁵ См. Haspelmath, Martin. Указ. Соч.; см. также сноску 6.

⁶ Shibatani, Masayoshi, 1985. Passives and related constructions: a prototype analysis // *Language*. Vol. 61. №4. Pp. 821–849. Baltimore: Waverly Press (The Linguistic Society of America).

лению пассива. В работе вопрос выбора определения рассмотрен очень подробно, поскольку очевидно, что именно от определения будут зависеть результаты корпусного исследования. Было решено использовать для статистического исследования типологическое определение М. Хаспельмата¹, позднее обработанное и дополненное К. И. Казениным². Этот выбор был мотивирован следующими соображениями: во-первых, данное определение содержит в себе конкретный набор параметров, который исключительно удобен для обработки корпусных данных; во-вторых, оно опирается на обширный типологический материал. Согласно предлагаемому определению, конструкция считается пассивной, если:

- 1) используемая в конструкции глагольная форма каким-либо образом морфологически образована от формы, используемой в немаркированной (активной) конструкции;
- 2) Актор³ не выражен или выражен факультативным косвенным дополнением при производной глагольной форме;
- 3) подлежащее, если оно имеется, не выражает Актора;
- 4) конструкция каким-либо образом ограничена в своей дистрибуции по отношению к немаркированной (активной) конструкции;
- 5) пропозиционная семантика конструкции идентична пропозиционной семантике конструкции немаркированного (активного) залога; в частности, число партиципантов и их роли не меняются.

Нужно отметить, что использование типологического определения для исследования русского пассива — шаг нестандартный. Автор осознаёт, что этот факт может считаться как достоинством, так и недостатком работы. Если рассматривать использование такого определения как слабость работы в области русистики, то последующее изложение статистических данных и выводов из них можно считать не констатацией правильности или ложности существующей теории, а результатами эксперимента. В самом деле, весьма интересно найти ответ на вопрос, какими окажутся результаты, если исходить из типологических установок при исследовании языкового материала. В то же время в теоретической части диссертации содержится не только обоснование использования данного определения, но и следующее за определением рассуждение, призванное показать, что между предлагаемыми параметрами для определения пассивности и содержащимися в работах отечественных исследователей пассива эксплицитными установками **нет принципиальных различий**. Если согласиться с этим утверждением, можно обоснованно сравнивать полученные статистические результаты с предсказаниями существующей теории пассива (если можно утверждать, что в русистике имеется единая теория пассива, относительно которой ни у кого из исследователей не найдётся возражений). Впрочем, поскольку всегда существует возможность, что приводимые аргументы не будут сочтены достаточно сильными,

¹ Haspelmath, Martin. Указ. Соч. Стр. 27.

² Kazenin, Konstantin I., 2001. The passive voice. In: *Language Typology and Language Universals*. Vol. 2. Pp. 899–916. Berlin — New York: Walter de Gruyter. Стр. 899.

³ О гиперроли Актора см. стр. 15.

необходимо ещё раз подчеркнуть, что данную работу можно воспринимать как эксперимент. Что же касается основного теоретического вывода, который делается по результатам исследования, то он оказывается применим к традиционным воззрениям на русский страдательный залог **даже в большей мере**, нежели к типологическому определению пассива.

В заключительной части главы рассматривается также проблема противопоставления страдательных причастий и прилагательных. Не приводя полностью всего рассуждения, отметим, что для целей нашего исследования целесообразно включить спорные случаи в перечень причастий и условно считать причастиями слова типа *слышен* и *осуществимый*, а также прочие дериваты, находящиеся «на границе» стальных причастий и прилагательных. Такой шаг позволит сделать картину дистрибуции пассивных форм более полной: например, слово *слышен* может быть заменено на возвратный глагол *слышится*, а если это слово объявить прилагательным, данный случай выпадет за рамки работы, что сделает беднее картину возможных замен.

Вторая глава содержит описание выборки и общие статистические данные. Выборка в целом уже описана выше; рассмотрим подробнее состав полей в базе данных.

База примеров содержит следующие поля:

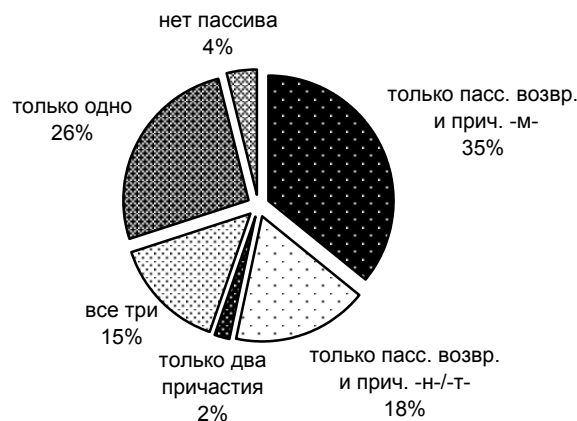
- ◆ Предложение — основной вход;
- ◆ Полный текст оригинала — полный результат корпусного поиска (с предыдущим и последующим предложениями);
- ◆ Название источника и Жанр текста (художественный текст / публицистика);
- ◆ Исходная форма глагола (для возвратных глаголов — невозвратный глагол).
- ◆ Форма: лицо, число и время (в основном только для возвратных глаголов).
- ◆ Акциональный ярлык словоформы: см. стр. 12.
- ◆ Область «свойства актантов»: см. описание пятой главы.

В базах примеров с возвратными глаголами и страдательными причастиями также содержатся особые поля, подробно описанные в тексте диссертации.

Таблица глагольных основ содержит следующие основные характеристики основ: тип видовой пары, семантический класс, акциональный класс. Таблица глаголов является подчинённой по отношению к базе глагольных основ. Фактически для каждого входа таблицы глаголов существует только одно содержательное поле — вид глагола, в остальном же она содержит флажки возможного образования конструкций того или иного типа, а также реальных фактов образования пассива тем или иным способом, зафиксированных в корпусе¹.

Из представленных в данной главе диаграмм приведём наиболее интересную, а именно диаграмму возможности (для глагола) образования пассива несколькими способами.

¹ Например, от глагола *арендовать* теоретически возможно образовать пассив с помощью возвратного постфикса, но примера на соответствующий возвратный глагол в базе нет — для глагола проставляется флажок «потенциальное пассивное -ся», поле «пассивное -ся фактически» остаётся пустым. Очевидно, что множество глаголов, имеющих пример в корпусе на свой пассивный дериват, составляет подмножество глаголов, потенциально образующих пассив этим способом.



Видно, что в достаточно большом количестве случаев один и тот же глагол (именно глагол, а не глагольная основа) образует пассив разными способами. Статистика демонстрирует значительную степень совместимости показателей пассива, особенно *-ся* и *-м-* (*возглавлять*), что может служить подтверждением основной теории, поскольку по своим свойствам, прежде всего видовым и акциональным, дериваты на *-ся* и на *-м-* близки; это также означает, что различие между ними должно происходить по каким-либо дополнительным параметрам. Любопытно также, что велика доля глаголов, образующих пассив с помощью возвратного глагола и причастия на *-н-/-т-* (*выработать*). Поскольку причастия на *-н-/-т-* в подавляющем большинстве случаев перфективны, то в описываемых случаях имеет место образование пассивных возвратных глаголов совершенного вида, которое часто ставится под сомнение. Доля случаев, когда возможны только два причастия (*казнить*), очень мала, что можно объяснить с точки зрения диахронии: как было отмечено ранее, изначально залоговая система русского языка была представлена только двумя причастными конструкциями, которые были, видимо, дополнительно распределены по виду производящего глагола. В то же время более поздние глаголы, допускающие и пассивный возвратный глагол, демонстрируют большую гибкость: потенциальная доля глаголов, образующих пассив всеми тремя способами (*адаптировать*), составляет 15%, что немало.

Как мы видим, результаты исследования возможных комбинаций могут определяться разными факторами, из чего следует, что основания дистрибуции находятся на разных уровнях, и среди этих оснований может не быть главенствующего: возможно, все они соединяются в одну тенденцию, которую мы и попытаемся обнаружить.

В **третьей главе** изучается возможность влияния на дистрибуцию пассивных форм семантического класса глагола. Перечень семантических классов основан на классификации, используемой в Национальном корпусе русского языка¹.

Один из примечательных фактов касается противопоставления пассивных и непассивных возвратных глаголов: статистика показывает, что семантический класс

¹ Перечень представлен в тексте диссертации, на каждый класс приведены примеры. Список классов следующий: бытийные, восприятие, движение, запах, звук, изменение состояния или признака, контакт и опора, ментальная сфера, местонахождение, поведение человека, помещение объекта, possessивная сфера, природное явление, психика, речь, свет, служебные, физиология, физическое воздействие, остальные.

глагола на это противопоставление никак не влияет, и даже математическая вероятность случайности распределения (несмотря на большое количество значений признака) приближается к 100%. Переходя к возможному распределению пассивных форм по семантическому классу глагола, мы обнаруживаем некоторые отклонения от расчётных частот, которые особенно показательны в базе примеров. Причастие на *-н-/-т-*, в противовес возвратным глаголам, склонно обозначать физическое воздействие (*изготавливать, взрывать*), то есть именно ярко выраженное прототипическое действие с двумя участниками. Заслуживают упоминания глаголы психики (*заботить, радовать*) и служебные глаголы (*подвергать, выполнять*), предложения с которыми практически отсутствуют в базе причастий на *-н-/-т-*; преобладание конструкций с глаголами физического воздействия становится ещё более заметным. Интересно, что класс глаголов речи (*высказывать, упоминать*) и движения (*колебать, влечь, понукать*) представлен в основном конструкциями с причастием на *-м-*; для этих причастий также велика доля глаголов психики. В этом смысле данный тип пассивных предложений ближе к возвратным глаголам, нежели к причастиям на *-н-/-т-*. Эта тенденция сохранится и далее: возвратные глаголы и причастия на *-н-/-т-* как бы находятся на полюсах некой шкалы (а именно, шкалы семантической переходности, как будет показано далее), а третий тип — причастия на *-м-* — между ними.

Исследование возможности образования пассива несколькими способами от одного глагола показало, что служебные глаголы и глаголы посессивной сферы наиболее гибки в выборе типа пассивной конструкции и чаще образуют пассив всеми тремя способами. Это можно объяснить тем, что в первый класс входят глаголы относительно общего значения, и, тем самым, этот класс не накладывает особенных ограничений на тип пассивной конструкции; второй же класс характеризуется чётким распределением ролей участников, и независимо от типа пассивной конструкции пассивность ясно прослеживается. Впрочем, данные отклонения прослеживаются не во всех случаях и характеризуют не столько дистрибуцию пассивных форм, сколько «гибкость» семантических классов в целом. Статистика возможности сменить тип конструкции в конкретном примере оказывается не настолько показательной, и отклонения от расчётных частот во многом оказываются непредсказуемыми.

В **четвёртой главе** рассматривается влияние на дистрибуцию пассивных форм видовых и акциональных характеристик глагола. В начале главы рассматриваются основные теоретические понятия и установки, необходимые для дальнейших рассуждений,— в частности, понятие видовой пары и проблема главных значений совершенного и несовершенного вида (далее — СВ и НСВ соответственно). Главным значением СВ считается событийное, или конкретно-фактическое значение (*Иван уехал за границу и поступил в университет*), а главным значением НСВ — процессное, или актуально-длительное значение (*Когда я вошёл, жена накрывала на стол*)¹. Для определения видовой пары используется критерий Маслова, который предполагает замену форм СВ на формы НСВ в двух типах искусственных контекстов: *praesens historicum*

¹ См. Зализняк Анна А. и А. Д. Шмелёв, 2000. *Введение в русскую аспектологию*. М.: Языки русской культуры. Стр. 19–21.

и итератива. Если при замене формы СВ на форму НСВ в значении настоящего исторического (*Иванов приходит, стреляет в него и уходит*) или итератива (*Иванов каждый день приходит, выпивает чашку чая и уходит*) значение фразы остаётся неизменным, формы СВ и НСВ составляют видовую пару.

Тем временем концепция видовых пар не является бесспорной. Она базируется на утверждении, что в инвариантном значении формы СВ и НСВ создают отсылку к одной и той же ситуации. Согласно данному постулату, категория вида изначально обеспечивает только разные «углы обзора», но сама ситуация остаётся неизменной. Теория же акциональных классов вполне признаёт пары типа *читать* — *прочитать* как процесс и завершающее его вхождение в состояние, в то время как в теории видовых пар глагол *читать* должен быть объявлен непарным, поскольку для него не существует единственного парного глагола СВ. Более предпочтительным для нашего исследования будет приписывать глаголам акциональные классы; в результате глагол *читать*, который формально должен быть объявлен непарным, в своём основном значении получит класс предельного глагола и, тем самым, не будет выведен за рамки классификации.

Понятия **акционального ярлыка** и **акционального класса** восходят к известному исследованию Зено Вендлера о типах ситуаций, обозначаемых глаголом¹. Далее эту тему применительно к русским глаголам развивали многие отечественные лингвисты, в числе которых Е. В. Падучева (понятие Т-категории)², Анна А. Зализняк и А. Д. Шмелёв³, среди западных теорий наиболее известна классификация глаголов в рамках референциально-ролевой грамматики⁴. Существуют и типологические работы на эту тему, одна из которых и послужила источником предлагаемой в диссертации терминологии — это работа С. Г. Татевосова⁵. В данной работе вводится понятие акционального ярлыка, элемента более низкого уровня, чем акциональный класс. Это позволило проводить статистическое исследование с большей степенью подробности и выявить интересные свойства пассивных форм различных типов.

Акциональные классы предлагается приписывать глагольным основам, а определять эти классы через акциональные ярлыки. Имперфективной (презент) и перфективной (претерит) словоформам одной глагольной основы приписывается по ярлыку; пара ярлыков определяет акциональный класс. Всего акциональных ярлыков пять:

1. Состояние (*Он сидит*);
2. Процесс (*Он бежит*);
3. Вхождение в состояние (*Он пришёл*);
4. Вхождение в процесс (*Он занялся упражнениями*);

¹ См. Vendler, Zeno, 1959. Verbs and times // *The Philosophical Review*. Vol. 66. №2. Pp. 143–160.

² Падучева Е. В., 1998. Систематизация понятий и терминов аспектологии // *Russian Linguistics*. Vol. 22. Pp. 35–58. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers.

³ Зализняк Анна А. и А. Д. Шмелёв. Указ. Соч.

⁴ См. Foley, William A. and Robert D. van Valin, Jr., 1984. *Functional syntax and universal grammar*. Cambridge: Cambridge University Press.

⁵ Татевосов С. Г., 2005. Акциональность: типология и теория // *Вопросы языкознания*. №1. С. 108–141. М.: Наука.

5. Мультипликативный процесс: состоит из выделимых квантов, но воспринимается как единое целое (*кашлянуть* — *кашлять* — *покашлять*).

Что же касается акциональных классов, выделяемых на основе акциональных ярлыков, то в русском языке представлены следующие классы:

Таблица 1. Акциональные классы в русском языке

Класс	Пара акциональных ярлыков	Пример
Сильные предельные	<{Вхождение в состояние}, {Процесс}>	<i>наполнять</i> — <i>наполнить</i>
Сильные инцептивно-стативные	<{Вхождение в состояние}, {Состояние}>	<i>видеть</i> — <i>увидеть</i>
Непредельные	<{Процесс}, {Процесс}>	<i>гулять</i>
Стативные	<{Состояние}, {Состояние}>	<i>обуславливать</i> — <i>обусловить</i>
Пунктивные	<{Вхождение в состояние}, {—} ¹ >	<i>взрывать</i> — <i>взорвать</i>
Мультипликативные	<{Вхождение в состояние, Мультипликативный процесс}, {Мультипликативный процесс}>	<i>кашлять</i> — <i>кашлянуть</i>
Ингрессивно-непредельные	<{вхождение в процесс, процесс}, {процесс}>	<i>заниматься (чем)</i> — <i>заняться</i>

Описав основные понятия, приведём основные результаты статистического исследования, призванного установить роль видовых и акциональных свойств в дистрибуции пассивных форм.

Изучая видовые свойства пассивных форм, мы обнаруживаем, что при использовании в работе определении пассива доля пассивных возвратных глаголов СВ достаточно велика (30%), хотя и не достигает доли глаголов СВ по всей таблице глаголов (41%). Однако, даже если рассмотреть только пассивные примеры с агентивным дополнением в форме творительного падежа, доля возвратных глаголов СВ равна 14%². Страдательные причастия на *-н/-т-* также встречаются в форме НСВ в 9% случаев. Таким образом, сложно отрицать, что распределение пассивных форм по виду существует, но исключения всё же есть, и их слишком много для того, чтобы можно было говорить о дополнительной дистрибуции.

Следует также отметить, что в большинстве работ на эту тему содержится утверждение о распределении по виду образующего глагола, а не самой пассивной формы, что не меняет ситуации для возвратных глаголов, но усложняет её для пас-

¹ Имперфективная форма может употребляться только в *praesens historicum*, хабитуальном, итеративном и других значениях (не может употребляться в основном значении НСВ).

² Так называемый возвратный перфективный пассив, которому обычно отказывается в существовании, защищает в своей работе Н. В. Перцов. См.: Перцов Н. В., 2003. Возвратные страдательные формы русского глагола в связи с проблемой существования в морфологии // *Вопросы языкознания*. №4. С. 43–71. М.: Наука.

сивных причастий. Так в 25% случаев не представляется возможным установить, от какой основы образовано причастие (либо потому, что обе основы формально подходят на роль образующей, напр. *видоизменять / видоизменить*, либо потому, что ни одна из основ не совпадает с основой причастия *сжигать / сжечь — сожжѐнный*). Безусловно, обращение к диахронии помогает разрешить этот вопрос — в особенности в случаях, когда на синхронном уровне основа причастия формально совпадает с основой НСВ: *утверждать / утвердить — утверждѐнный*, но диахронически происходит именно от основы СВ. Вместе с тем, обращение к диахронии чревато тем, что мы будем вынуждены проявить последовательность и объявить производными глаголы типа *являться, казаться, находиться, садиться* и пр. Глагол *находиться* мы будем должны при этом объявить пассивным. Во избежание подобных недоразумений предлагается ограничиться изучением вида самой пассивной формы.

Что же касается образования пассива несколькими средствами от одного глагола, основные результаты следующие: различие имеется не столько в том, что от глаголов определённого вида пассив образуется определённым способом (хотя и такая тенденция есть; особенно она заметна в случае причастий на *-м-*, но иначе быть и не могло), сколько в том, насколько глаголы определённого вида гибки в выборе пассивизатора. Глаголы НСВ чаще образуют пассив несколькими средствами, в то время как глаголы СВ встречаются преимущественно в конструкциях только одного из типов. Даже в том случае, когда глагол НСВ образует пассив только одним способом, статистика базы глаголов показывает более равномерное распределение по различным средствам образования пассива.

Среди акциональных характеристик наибольшее влияние на дистрибуцию пассивных форм оказывает акциональный ярлык. Если рассматривать акциональные характеристики каждого из типов пассивных форм, то для пассивных возвратных глаголов три самых употребительных ярлыка («процесс», «состояние» и «вхождение в состояние») распределены примерно поровну; причастия на *-м-* чаще обозначают состояния и процессы (в чём схожи с пассивными возвратными глаголами). Страдательные причастия на *-н-/-т-* чаще имеют ярлык «состояние» (56%) и «вхождение в состояние» (38%).

Однако наиболее интересные результаты мы получаем при изучении возможности замен в конкретных примерах. Статистика показала, что именно стальные причастия на *-н-/-т-* чаще других заменяются на возвратные глаголы — количество возможных замен значительно превосходит расчётную частоту. При этом после замены стального причастия на возвратный глагол акциональный ярлык меняется на «процесс» или «вхождение в состояние»:

- (1) а) Как он нам объяснил, территория Англии **разделена** на несколько десятков округов. (*Симонов, К., Записки молодого человека, в кн. «Собрание сочинений в 6-ти томах», т. 6, стр. 543–553. Упсальский корпус*)
- б) ...территория Англии **разделилась** на несколько десятков округов.

Имеет место и обратное явление: если возвратный глагол обозначает процесс, этот ярлык обычно теряется при замене на причастие на *-н-/-т-*:

- (2) а) Установили нормы, ограничивающие выбросы в атмосферу от основных предприятий страны (15 тысяч предприятий), **осуществляется** проверка соблюдения этих норм. (*Экология без косметики. «Правда» 87-09-07. Утсальский корпус*)
- б) ...**осуществлена** проверка соблюдения этих норм.

Таким образом, распределение по акциональным ярлыкам может проявляться в «разделении сфер влияния», а не как дополнительная дистрибуция. Это и можно считать одним из самых интересных выводов данной главы.

В **пятой главе** изучается возможность влияния свойств актантов пассивной клаузы на тип пассивной конструкции. Перед тем, как рассмотреть результаты исследования по этой группе параметров, мы вынуждены остановиться на вопросе о гиперролях: именно понятие гиперроли помогает нам отделить пассивные фразы от непассивных, что так важно для разметки корпуса возвратных глаголов. Для принятия решения о пассивности фразы необходимо ответить на следующий вопрос: контролирует ли денотат подлежащего тем или иным способом ситуацию? Это может быть как полный, так и частичный контроль над ситуацией, а также создание предпосылок к возникновению ситуации. Если денотат подлежащего контролирует ситуацию, конструкция с возвратным глаголом не может быть пассивной (*Ваня моется*), если же этот контроль отсутствует, то конструкция оказывается пассивной (*Полы в палатах моются каждый день*).

Поскольку нас интересует только один параметр, то по этому параметру весь набор возможных семантических ролей разбивается на две группы — так называемые **гиперроли** Актора и Претерпевающего. Как мы сможем увидеть, понятие гиперроли оказывается важным не только для определения пассивности фразы, но и для выбора типа пассивной конструкции.

Именно гиперроль Актора используется в определении пассива; это вполне соответствует традиционным взглядам на пассив, поскольку ни одно определение пассива в русской традиции не утверждает эксплицитно, что субъектом исходной конструкции (который в пассиве окажется в позиции агентивного дополнения) может быть только участник с прототипической ролью Агенса. И в то же время оказывается, что при использовании концепции гиперролей многие конструкции с эмотивными глаголами, которые не принято считать пассивными (*Я ему обрадовался*), по всем параметрам подходят под понятие пассивных в рамках типологического определения. Этот вопрос (включая контраргументы) подробно обсуждается в диссертации.

Отметим, что списки семантических ролей, относящихся к двум гиперролям, могут перекрывать друг друга; так, по У. Фоли и Р. Ван Валину, к обоим гиперролям принадлежат роли Источника и Получателя/Цели. В каждом же конкретном предложении гиперроль Актора чаще всего принадлежит только один участник¹.

¹ Исключением являются реципрокальные конструкции, иногда называемые конструкциями с глаголом в форме взаимного залога (*Петя и Вася дерутся*). Д. Даути развивает приведённое наблюдение, формулируя его как принцип недискретности гиперролей: в добавление к тому, что одна роль может принадлежать разным гиперролям, существуют ситуации, когда участники имеют одинаковые

Актанты пассивного предложения исследуются по трём параметрам:

1. Конкретность/абстрактность. Этот параметр может принимать три основных значения: «сентенциальный» (отсылка к целой клаузе, номинализация — подлежащее в примере (3)), «абстрактная именная группа» (абстрактное понятие либо физическое вещество, но не изделие из него — подлежащее в примере (4)) и «конкретный» (Актор в примере (5)):
 - (3) Вытянутые уши милиционера ловили каждое слово, раскрытый рот помогал усваивать **слышанное**, а Гастев уже трижды заголял кисть, поглядывая на часы: пора, чёрт возьми, пора! (*Анатолий Азольский. Облдрамтеатр (1997). НКРЯ*)
 - (4) Там органическое вещество подвергалось обработке бригадами стоматологов, они извлекали **ценные металлы, используемые** для протезирования. (*Василий Гроссман. Жизнь и судьба (1960). НКРЯ*)
 - (5) Далее указывались мощности и сроки, уже названные **Сталиным**. (*Бек, А., Новое назначение, «Знамя», 1986:10, стр. 53–62. Уппсальский корпус*)
2. Одушевлённость. Тройное противопоставление неодушевлённого объекта, одушевлённого существа, не являющегося человеком, и человека. Для Актора существует небольшое количество случаев, в которых, хотя точно устанавливается его конкретность, нет ясности относительно его одушевлённости.
 - (6) В то же время 43 процента [сточных вод] **очищается** недостаточно. (*Отвести беду. «Правда», 87-08-26 (1.574). Уппсальский корпус*).
3. Денотативный статус. Классификация денотативных статусов заимствована из работы И. М. Кобозевой¹. Подавляющее большинство именных групп (ИГ), обозначающих актанта, представляют собой термовые ИГ (отсылающие к некоторому объекту). Термовые ИГ могут иметь референтный или нереферентный денотативный статус. В первом случае имеется в виду, что ИГ отсылает к конкретному объекту (например, *моя бабушка*), а во втором такая отсылка отсутствует (например, *студенты* в предложении *Студенты должны ежегодно проходить диспансеризацию*). Референтный и нереферентный статусы делятся каждый на несколько более частных.
4. Для Актора — семантическая роль. Используется следующий набор семантических ролей: Агенс-Исполнитель (каноническая роль Агенса), Агенс-Инициатор² (пример (7)), Стимул/Причина (пример (8)), Адресат/Получатель (пример (9)), Экспериенцер (пример (10)):

роли или когда участнику приписать роль нельзя вовсе. См. Dowty, David, 1991. Thematic proto-roles and argument selection // *Language*. Vol. 67. №3. Pp. 547–619. Baltimore: Waverly Press (The Linguistic Society of America). Стр. 576.

¹ Кобозева И. М., 2000. *Лингвистическая семантика: учебное пособие*. М.: Эдиториал УРСС. Стр. 228–236.

² Дробление роли Агенса вызвано предположением В. И. Гавриловой, что такое разделение роли Агенса на «Исполнителя» и «Инициатора», где последний не производит действий постоянно на всём протяжении ситуации (как в ситуации *Картошка жарится*, когда человек не прикладывает к процессу постоянных усилий) релевантно для различения двух видов конструкций — пассивных и квазипассивных. Хотя согласно принятому определению конструкции с Актором с ролью Агенса-

- (7) Тогда зарубежные ученые смогли рассчитать и подтвердить на опыте новый эффект — запаздывание сигнала, посылаемого с Земли и **отражаемого Меркурием**. (*Пятый тест в защиту ОТО? «Знание — сила» 1987:02, стр. 16 (144). Упсальский корпус*)
- (8) Но у него правильное чутьё, и он прекрасно понимает сцену. Он услышал фальшь! Понимаете, омерзительную фальшь. Он был **шокирован!** (*Михаил Булгаков. Театральный роман (1936–1937). НКРЯ*)
- (9) Об этом говорит справка, **полученная редакцией**. (*Ради истины. «Литературная газета», 87-11-18. Упсальский корпус*)
- (10) Опасения прокуратора насчёт беспорядков, которые могли произойти во время казни в **ненавидимом им** городе Ершалаиме, к счастью, не оправдались. (*Михаил Булгаков. Мастер и Маргарита (1929–1940). НКРЯ*)

Из статистических данных, касающихся свойств актантов пассивных конструкций, выделим две наиболее интересные тенденции. Первая тенденция, которую удалось обнаружить, может быть условно названа «притяжением свойств»: актанты пассивной конструкции стремятся иметь схожие свойства независимо от типа конструкции. Наиболее ярко эта тенденция проявляется в области денотативных статусов. В таблице 2 представлено соотношение референтного и нереферентного денотативных статусов подлежащего и Актора. В скобках указаны расчётные частоты при условии, что распределение случайно.

Таблица 2. Денотативные статусы актантов пассивной конструкции

	Актор референтный	Актор нереферентный
Подлежащее референтное	584 (437,4)	199 (345,6)
Подлежащее нереферентное	169 (315,6)	396 (249,4)
<i>Вероятность случайного распределения: $p = 0\%$</i>		

Мы видим, что пары «референтный — референтный» (пример (9)) и «нереферентный — нереферентный» (пример (11)) встречаются чаще других пар.

- (11) Ее **взгляд** на мир, уже **порченный положительным знанием**, не признающим Бога, предъявляет жёсткий счёт эпохе Гоголя, эпохе очарований, с которой не желает считаться неумолимый «логарифм». (*Игорь Золотусский. «Записки сумасшедшего» и «Записки из подполья» // «Октябрь», № 3, 2002. НКРЯ*)

Вторая тенденция имеет непосредственное отношение к теме диссертации: тип конструкции действительно коррелирует со свойствами актантов, причём чаще всего один тип пассивных конструкций противопоставляется двум остальным по некоторо-

Инициатора должны считаться пассивными, такое разделение может оказаться релевантным для выбора типа пассивной конструкции. См. Гаврилова В. И., 2003. Квазипассивное значение русских возвратных глаголов как отражение закономерного, извечно данного порядка вещей. В сб. *Логический анализ языка. Космос и хаос: концептуальные поля порядка и беспорядка*. С. 256–285. М.: Индрик.

му признаку. В конструкциях с пассивными возвратными глаголами, в отличие от конструкций с причастиями, оба актанта реже имеют конкретных денотатов (в то время как для конструкций с причастиями на *-м-* расчётные частоты превышены для конкретного Актора, а для конструкций с причастиями на *-н-/-т-* — для обоих актантов). Неодушевлённый Актор чаще встречается в предложениях с причастиями на *-м-* (что может означать, что нестандартный вариант неодушевлённого Актора в некоторой степени зарезервирован за этими конструкциями); впрочем, одушевлённость более релевантна для подлежащего: конструкции с причастиями на *-н-/-т-* противопоставляются остальным двум типам по этому признаку — в этих конструкциях выше расчётной доля неодушевлённого подлежащего. Нереперентный денотативный статус (в частности — родовой) Актора и подлежащего чаще встречается с причастиями на *-м-*. Актора с ролью Агенса-Исполнителя с наибольшей вероятностью можно обнаружить в конструкциях с причастием на *-н-/-т-* (пример (12) на стр. 21), а Актора с ролью Инициатора — в конструкциях двух других типов; роль Стимула/Причины преимущественно присутствует в конструкциях с пассивными возвратными глаголами (пример (13) на стр. 21), а роль Адресата — в конструкциях с причастиями на *-м-*¹. Эти отклонения от средних частот в зависимости от типа конструкции также получают своё объяснение в рамках предлагаемой в главе 6 теории.

Что же касается способа выражения Актора, то оно связано как с типом конструкции (в причастных конструкциях чаще встречается творительный падеж Актора, в предложениях с возвратными глаголами — иные формы), так и с одушевлённостью и семантической ролью самого Актора. Так, роль Агенса-Исполнителя чаще, чем это ожидалось по статистике, бывает выражена посессором (который нельзя считать полноценным способом выражения Актора) или не эксплицируется вовсе; число вхождений неэксплицированного Актора-человека также выше ожидаемого (пример (4) на стр. 16). Напротив, процент случаев, в которых неодушевлённый Актор или партиципant с ролью Стимула/Причины эксплицирован, выше расчётного (пример (13) на стр. 21). Это можно объяснить тем, что присутствие в пассивной конструкции Актора-человека и роли Исполнителя гораздо более предсказуемо, нежели появление неодушевлённого Актора или Актора с ролью Стимула. Продолжая эту мысль, можно сделать интересные выводы касательно формы творительного падежа как способа выражения Актора. Форму творительного падежа оказывается разумным рассматривать как средство дополнительного подчёркивания пассивности в тех случаях, когда это требуется. Частота встречаемости творительного падежа выше расчётной для причастий на *-м-*, часто вызывающих сомнения относительно их частеречной принадлежности, а также для Актора с нестандартными свойствами: неодушевлённого или с ролью Стимула. Если же пассивность не вызывает сомнения (в случаях конструкций с причастиями на *-н-/-т-*, Актором-человеком и ролью Агенса-Исполнителя), то Актор скорее будет выражен нулём. Эти результаты подтверждают сделанное Б. Вимером предположение о том, что трёхчленные пассивные конструкции явились результатом

¹ По понятным причинам мы, к сожалению, не можем рассмотреть в данном автореферате примеры на каждое из утверждений.

произошедшего на определённом этапе «введения заново» Актора в пассивную конструкцию, и этот тип конструкций не может считаться исконным для пассива¹.

В начале **шестой главы** приводятся статистические данные по комбинациям параметров. Мысль о том, что параметры разных уровней могут быть связаны, и приводит нас к общей теории, объясняющей различные отклонения от расчётных частот. Так, изучая зависимость свойств актантов от типа конструкции, мы наблюдаем, что для причастий на *-н-/-т-* частота встречаемости подлежащего, имеющего конкретного денотата, значительно выше расчётной — может ли это быть связано с акциональными характеристиками этих причастий? Как можно было наблюдать, эти причастия чаще всего перфективны, а среди акциональных ярлыков преобладают ярлыки «вхождение в состояние» и «состояние». Возможно ли, что связь есть не между свойствами актантов и средством образования пассива как таковым, а между свойствами актантов и акциональными свойствами, которые для этой конструкции характерны²?

В процессе изучения отклонений от расчётных частот были выявлены следующие тенденции:

- ◆ подлежащее чаще имеет конкретного денотата в пассивных конструкциях с глаголом в совершенном виде;
- ◆ актанты чаще имеют референтный денотативный статус в пассивных конструкциях с глаголом в совершенном виде;
- ◆ в пассивных конструкциях, содержащих глаголы с акциональными ярлыками «процесс» и «вхождение в состояние», подлежащее чаще неодушевлённое, а в пассивных конструкциях, содержащих глаголы с ярлыком «состояние», — одушевлённое;
- ◆ акциональный ярлык «вхождение в состояние» лучше сочетается с ролью Исполнителя, а ярлык «состояние» — с ролью Инициатора.

Эти результаты, а также описанные в предыдущих главах укладываются в известную теорию семантической переходности Пола Хоппера и Сандры Томпсон³. В их получившей широкую известность работе «Переходность в грамматике и дискурсе» высказывается идея о том, что о переходности/непереходности нельзя говорить как о привативной оппозиции. Кроме того, переходность — свойство не только глагола, но и всей клаузы (простого предложения). Иными словами, переходность понимается в данной теории не как простое синтаксическое свойство присоединять прямой объект, а как степень «интенсивности ситуации»⁴.

¹ См. Wiemer, Björn, 2004. The evolution of passives as grammatical constructions in Northern Slavic and Baltic languages. In: Walter Bisang, Nikolaus P. Himmelmann and Björn Wiemer (eds.) *What makes Grammaticalization? A Look from its Fringes and Components*. Pp. 271–331. Berlin / New York: Mouton de Gruyter.

² Такое предположение само по себе не ново: в лингвистической литературе мы встречаем наблюдение, что статальный пассив хуже сочетается с референтным агентивным дополнением. См. Jaeggli, Osvaldo A., 1986. *Passive // Linguistic Inquiry*. Vol. 17. №4. Pp. 587–622. Cambridge, MA / London: MIT Press.

³ Hopper, Paul J. and Sandra A. Thompson, 1980. Указ. Соч.

⁴ В этом случае теория переходности оказывается применима и к пассивным конструкциям, поскольку описывает семантический аспект переходности, тогда как способность присоединять прямой

Вот какие факторы влияют на степень семантической переходности любой отдельно взятой клаузы:

Таблица 3. Параметры, повышающие и понижающие семантическую переходность клаузы

Параметр	Значение, повышающее переходность	Значение, понижающее переходность
1. Количество участников	2 или более, Актор и Претерпевающий ¹	1 участник
2. Кинезис	действие	не-действие
3. Вид (Aspect)	законченное действие	незаконченное действие
4. Пунктивность	пунктивный	непунктивный
5. Контролируемость	контролируемое действие	контроль отсутствует
6. Утверждение	утверждение	отрицание
7. Наклонение	реалис	ирреалис
8. Агентивность	высокая эффективность действий Актора	низкая эффективность действий Актора
9. Задействованность Претерпевающего	Претерпевающий полностью охвачен действием	Претерпевающий не затронут действием
10. Индивидуализация Претерпевающего	Претерпевающий индивидуализирован	Претерпевающий не индивидуализирован

Приведём пример. Как известно, глаголы *бить* и *видеть* переходны, а глагол *сидеть* непереходный. На шкале переходности предложения с глаголом *сидеть* обладают более низкой переходностью по сравнению с предложениями с глаголами *видеть* и *бить*, поскольку первые содержат всего одного партиципанта, а последние — двух партиципантов. Это соответствует нашим представлениям о противопоставлении переходных и непереходных глаголов. Однако предложения с глаголом *видеть* будут менее переходны, чем предложения с глаголом *бить*, потому что предложения с глаголом *бить* обозначают действие в противовес не-действию, что снижает интенсивность ситуации, а значит, и семантическую переходность предложения. Далее, предложение *Петя каждый день бьёт Васю* будет менее переходным, чем предложение *Сегодня Петя побил Васю*, поскольку последнее предложение в силу перфективности глагола концентрирует действие на меньшем промежутке времени, что также является фактором, повышающим переходность. Наконец, предложение *Петя побил*

объект относится к синтаксическому аспекту. См. об этом также: Князев Ю. П., 1999. Переходность/непереходность глагола: форма и значение. В сб. *Предложение и слово (доклады и сообщения международной научной конференции, посвящённой памяти профессора В. С. Юрченко)*. С. 177–182. Саратов: Издательство Саратовского педагогического института.

¹ В работе используются термины «Агенс» и «Объект», которые заменены в данном случае для унификации терминологии.

Васю будет менее переходным, чем предложение *Петя очень сильно побил Васю* благодаря тому, что во второй фразе подчёркивается интенсивность действия.

Предложения с непереходными глаголами также могут быть более или менее переходными. Так, предложения с глаголом *сидеть* будут менее переходны, чем предложения с глаголом *бежать*, поскольку первый обозначает состояние, а второй действие; и так далее.

В качестве дополнительной иллюстрации рассмотрим пару примеров из корпуса:

(12) Правда, уж очень распоясались. Каркали, каркали, а вот Сталинград держится, немцы **остановлены**. (Василий Гроссман. *Жизнь и судьба* (1960). НКРЯ)

(13) Ход партийного обсуждения во многом **определяется** отчетным докладом. (Строгий экзамен по осуществлению перестройки держат сегодня парторганизации в ходе отчетов и выборов. «Правда», 88-11-18 (812). Упсальский корпус)

Представленным в этих примерах пассивным конструкциям можно поставить в соответствие следующие активные конструкции:

(14) Каркали, каркали, а вот Сталинград держится, немцев [солдаты] остановили.

(15) Отчётный доклад во многом определяет ход партийного обсуждения.

Пример (14) содержит глагол в совершенном виде (фактор, повышающий переходность по п. 3 таблицы 3), индивидуализированного и полностью охваченного действием Претерпевающего (высокая переходность по пп. 9 и 10), а также обладает высокой агентивностью в целом (п. 8); действие, описываемое в примере, контролируемо (п. 5). Напротив, пример (15) содержит глагол в НСВ (фактор, понижающий переходность по п. 3), неиндивидуализированного Претерпевающего (низкая переходность по п. 10), обладает более низкой агентивностью в целом (п. 8), а о контролируемости (п. 5) говорить затруднительно. Таким образом, пример (14) характеризуется более высокой степенью семантической переходности, чем пример (15). К синтаксически непереходным пассивным конструкциям (примеры (12) и (13) соответственно) это противопоставление точно так же применимо, поскольку пропозиционная семантика конструкции при образовании пассива остаётся неизменной.

Теперь попробуем соотнести те данные, которые были получены во всех разделах настоящей работы, с теорией семантической переходности. Для этого рассмотрим те **отклонения от расчётных и общих значений**, которые были перечислены выше. Мы увидим, что в большинстве случаев отклонения для пассивных возвратных глаголов происходят в сторону понижения семантической переходности (в таблице 4 на стр. 23 обозначается курсивом)¹, а для причастий на *-н-/-т-* в сторону повышения (в таблице 4 обозначается полужирным); причастия на *-м-* оказываются посередине, занимая среднее положение (в таблице 4 обозначается простым шрифтом) или примыкая к одному из типов конструкции.

¹ Примечательно в этой связи поведение собственно непереходных возвратных глаголов, которые, образуя фразы с заведомо более высокой семантической переходностью, чаще, чем пассивные возвратные, употребляются в совершенном виде, прошедшем времени, чаще имеют ярлык «вхождение в состояние».

Главным исключением являются стальные причастия, которые обозначают состояние в противовес возвратным глаголам, чаще обозначающим действие¹; кроме того, денотативный статус у актантов в конструкциях с возвратными глаголами также является повышающим семантическую переходность фактором². Тем не менее, содержащийся в конце таблицы условный «балл семантической переходности» (-1 за каждый понижающий фактор, +1 за повышающий, 0 за нейтральный [относительно других позиций]) говорит сам за себя. Конструкции с пассивными возвратными глаголами семантически менее переходны, чем конструкции с причастиями на *-н-/-т-*, а конструкции с причастиями на *-м-* в общем и целом скорее тяготеют к предложениям с возвратными глаголами.

Почему именно конструкции с возвратными глаголами оказались менее переходными, чем остальные? Как уже было отмечено, изначально для образования пассива использовались только причастные конструкции, а возвратные глаголы с пассивным значением появились позднее³. Когда в устоявшейся системе появляется новый показатель, он каким-то образом изменяет дистрибуцию, заполняя незанятые ниши. Именно более низкая семантическая переходность стала «визитной карточкой» возвратных глаголов.

Возвратный постфикс *-ся* образовался из возвратного местоимения в ходе процесса грамматикализации, который для пассивных показателей подробно описан М. Хаспельматом⁴. При этом, несмотря на то, что пассивное значение типологически нормально для рефлексивных показателей, некий элемент возвратности/медийности, подчёркивающий отсутствие внешних причин (даже когда они точно есть), сохранился. Кроме того, как отмечает Остен Даль⁵, грамматикализация лексического элемента обычно бывает вызвана его «риторической незначимостью», то есть грамматикализация происходит, когда элемент больше не несёт на себе риторический акцент в высказывании. Эта риторическая иррелевантность также является фактором, понижающим переходность.

Как мы видим, разные факторы действуют в одном направлении и дают один результат: в среднем более низкую семантическую переходность предложений с пассивными возвратными глаголами, что выражается как в распределении глаголов по семантическим классам (хотя и не так явно), так и в предрасположенности к обозначению незавершённого действия в противовес завершённому, а также в меньшей требовательности к конкретности актантов.

¹ Впрочем, в ряде случаев (возможно, в большинстве) можно утверждать, что состояние является результатом действия, что повышает семантическую переходность по п. 3.

² Отметим, правда, что и у причастий на *-н-/-т-* обратного отклонения не наблюдается.

³ См. Стрельцова М. И. Указ. Соч.; Данков В. И. Указ. Соч.

⁴ Haspelmath, Martin. Указ. Соч.

⁵ Dahl, Östen, 1998. Указ. Соч.

Таблица 4. Отклонения от расчётных и средних частот

Область	Параметр	-ся	-м-	-н-/-т-	пп. табл. 3
семантический класс глагола	семантический класс глагола	<i>изменение состояния, ментальные, служебные</i>	речь, движение	контакт и опора, физическое воздействие	1, 2, 5, 8, 9
вид и акциональность	вид глагольной формы (не образующего глагола)	<i>несовершенный</i>	<i>несовершенный</i>	совершенный	3
	акциональный ярлык словоформы	<i>процесс</i>	<i>процесс, состояние</i>	вхождение в состояние, состояние	3, 2
	акциональный класс образующего глагола	<i>[непредельный] (отклонение мало)</i>	<i>[непредельный] (отклонение мало)</i>	сильный предельный	3, 4
актанты пассивного предложения	конкретность / абстрактность подлежащего	<i>сентенциальное, абстрактное</i>	абстрактное, конкретное	конкретное	9, 10
	конкретность / абстрактность Актора	<i>сентенциальный, абстрактный, неясно</i>	конкретный	конкретный	5, 8
	одушевлённость подлежащего	<i>человек</i>	<i>человек</i>	неодушевлённое	8, 9, 10
	денотативный статус подлежащего	референтный	<i>нереферентный</i>	нет отклонений	8, 9, 10
	денотативный статус Актора	референтный	<i>нереферентный</i>	референтный	5, 8
	семантическая роль Актора	<i>Стимул</i>	Инициатор	Исполнитель	5, 8
Балл семантической переходности		-5,5	-4,5	+8	

Если сейчас мы можем наблюдать, что конструкции с причастиями на *-м-* находятся на шкале семантической переходности между возвратными глаголами и причастиями на *-н-/-т-*, то изначально ситуация должна была быть обратной. Возвратные глаголы были по свойствам похожи на причастия на *-м-*; затем, как мы знаем, причастия на *-м-* стали употребляться в предикативной позиции намного реже, что стало либо причиной, либо, наоборот, следствием такого распространения финитных глаголов со схожими свойствами в плане семантической переходности.

Публикации

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

1. Коломацкий Д. И. Теория семантической переходности и дистрибуция русских пассивных форм // *Вестник МГУ. Сер. 9. Филология*. М.: Издательство МГУ. №2, 2009. С. 65–73.
2. Коломацкий Д. И. Пассив на *-ся* в русском языке: корпусное исследование // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международной конференции «Диалог'2005» (Звенигород, 1-6 июня, 2005 г.)*. Под ред. И. М. Кобозевой, А. С. Нариньяни, В. П. Селегея. М.: Наука, 2005. С. 272–281.
3. Коломацкий Д. И. Рефлексивные употребления русских страдательных причастий // *Русская филология 18. Сборник научных трудов молодых филологов*. Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2007. С. 214–221.
4. Коломацкий Д. И. К вопросу о распределении русских пассивных форм по виду // *Acta Linguistica*. Vol. I. Sofia: Eurasia Academic Publishers, 2007. №1, С. 14–32.